

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-36-53

УДК 930.2+94

М.К. Чуркин

Омский государственный педагогический университет,
644099 г. Омск, Российская Федерация;

Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения Российской академии наук,
626152 г. Тобольск, Тюменская обл., Российская Федерация

Азиатская периферия как «собственный восток России» в дискурсе епархиальной периодической печати Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX вв.)

В статье раскрываются практики конструирования образа азиатской периферии России как «собственного востока», легитимность имперской принадлежности которого обеспечивается совместными усилиями власти и Русской православной церкви. С опорой на методологические подходы новой культурно-интеллектуальной истории, выявляются основные «площадки» репрезентации дискурса в епархиальной периодической печати Западной Сибири и Степного края, обосновываются факторы и условия формирования и трансляции собственнических представлений о восточных окраинах в публикациях епархиальной журнальной прессы. В ходе исследования установлено, что основы представлений об имперской периферии как «своей земле» объявлялись в стартовых номерах изданий и имели ярко выраженный программный характер. Дальнейшие манифестации владельческой рецепции восточных окраин усиливались и активно тиражировались в юбилейные годы, а также период военной эскалации на Дальнем Востоке (1904–1905 гг.). Дискурс «собственного востока России», развернувшийся на страницах епархиальной прессы, продемонстрировал усиление влияния церкви на российское общество в условиях продвижения русской оседлости к восточным окраинам империи,

© Чуркин М.К., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

функциональную готовность к реализации Русской православной церковью задач культурной адаптации сибирского социума и участию в решении имперских задач, направленных на включение Западной Сибири и Степного края в общеимперское пространство.

Ключевые слова: азиатская периферия России, «собственный восток России», епархиальная периодическая печать, Западная Сибирь, Степной край, репрезентация восточных окраин Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Чуркин М.К. Азиатская периферия как «собственный восток России» в дискурсе епархиальной периодической печати Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 2. С. 36–53. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-36-53

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-36-53

M.K. Churkin

Omsk State Pedagogical University,
Omsk, 644099, Russian Federation;
Tobolsk Complex Scientific Station
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tobolsk, 626152, Russian Federation

Asian periphery as Russia's Own East in the discourse of the diocesan periodical press of Western Siberia and the Steppe territory (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)

The article describes the experience and reveals the practice of constructing the image of the Asian periphery of Russia as “its own east”, the legitimacy of the imperial affiliation which is ensured by the joint efforts of the authorities and the Russian Orthodox Church. Based on the methodological approaches

of the new cultural and intellectual history, the main “platforms” for the representation of discourse in the diocesan periodicals of Western Siberia and the Steppe Territory are identified, the factors and conditions for the formation and transmission of proprietary ideas about the eastern outskirts in the publications of the diocesan journal press are substantiated. The study found that the foundations of ideas about the imperial periphery as “one’s own land” were announced in the starting numbers of publications and had a pronounced programmatic character. Further manifestations of the ownership reception of the eastern outskirts intensified and were actively replicated in the jubilee years, as well as the period of military escalation in the Far East (1904–1905). The discourse of “Russia’s own east”, which unfolded on the pages of the diocesan press, demonstrated the growing influence of the church on Russian society in the context of the advance of Russian settled life to the eastern outskirts of the empire, the functional readiness for the Russian Orthodox Church to implement the tasks of cultural adaptation of the Siberian society and participation in solving imperial tasks aimed at the inclusion of Western Siberia and the Steppe region in the general imperial space.

Key words: Asian periphery, Russia’s “own East”, discourse, Western Siberia, diocesan periodicals, Steppe region, representation of the eastern outskirts of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries

FOR CITATION: Churkin M.K. Asian periphery as Russia’s Own East in the discourse of the diocesan periodical press of Western Siberia and the Steppe territory (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 2. Pp. 36–53. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-36-53

Исследовательский интерес к процессам институционализации и функционирования российской периодической печати является неотъемлемой частью отечественной историографии и источниковедения [2; 3; 7; 8; 10]. При этом необходимо заметить, что в рамках позитивистской методологической и эпистемологической традиций, доминировавших в научном сообществе XIX и значительной части XX вв., материалы прессы оценивались как второстепенные, а публикации в периодической печати позиционировались в качестве информационно-иллюстративного ресурса, решающего вспомогательные задачи в историописании. Только во второй половине XX – начале XXI вв., в ситуации формирования нового историзма и теоретико-методологических «поворотов» – антропологического и, главным образом, лингвистического, стало происходить постепенное перенаправление

историков от изучения событий к изучению состояний, репрезентируемых в текстах [14; 15], что, в конечном итоге, привело к коммуникативному согласию в определении предмета исторического знания как комплекса субъективных представлений об исторической реальности. В процедурном отношении, что соотносится с предметом нашей статьи, ситуация «лингвистического поворота» означает конструирование исторической реальности не только с опорой на все источники, отражающие культурные смыслы эпохи, но и с учетом права автора выстраивать их иерархию и логику в зависимости от избранной им исследовательской стратегии.

В данном плане проблематика содержания дискурса периодических изданий Русской православной церкви, форм и «площадок» трансляции представлений об окружающем мире, социальных, политических и культурных явлениях представлена в настоящее время в специальных исследованиях источниковедческого характера. Историками, в т.ч. региональными, активно рефлексированы сюжеты, связанные с позиционированием церкви как действующего актора конфессиональной политики Российской империи на восточных окраинах страны [11; 17], взаимодействием церковной организации, власти и общества во фронтальных зонах [4; 9], организацией религиозно-просветительской и миссионерской работы в полиэтнической и поликонфессиональной среде Зауралья [1; 5; 6].

Тем не менее, исследователями часто не принимается в расчет то обстоятельство, что в ситуации продвижения на восток и активных действий России в регионах азиатской периферии возможности влияния Русской православной церкви значительно возрастали. В условиях расширения ареала колонизации и притока гражданских лиц (крестьянства), а также дефицита переселенческих чиновников государство ставило церковь в ситуацию прямой коммуникации с различными категориями населения Западной Сибири и Степного края, и священник, таким образом, являлся не только носителем религиозного знания, но и духовным пастырем для людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В таких обстоятельствах епархиальная периодическая печать выполняла функцию не только коммуникативного канала, обеспечивавшего диалог церкви, власти и общества в отдаленных регионах России, но и инструмента идеологического влияния, преследовавшего конкретную цель: способствовать социокультурной адаптации русского населения азиатской окраины, что могло обеспечить в конечном итоге эффективное встраивание восточной периферии страны в общеимперское поле. Избранная логика позволяет сформулировать цель исследования как описание опыта и раскрытие практик конструирования

епархиальными изданиями Азиатской России как собственной, исторически принадлежавшей Российской империи территории, легитимность которой обеспечена совместными усилиями государства и церкви.

Включенность Русской православной церкви в дискурс колонизации восточных окраин империи средствами сибирской епархиальной печати изначально предполагала формулирование принципов функционирования изданий и манифестацию программных установок в конструировании образа региона как «собственного востока» [13], овладение которым возможно в результате беззаветного пастырского служения. Корреспонденты епархиальной прессы отмечали, что успехи этой деятельности могут быть достигнуты только тогда, когда духовенство сможет «разомкнуть свое одиночество, на которое оно осуждено условиями местной природы...»¹. Наиболее предметно принципы деятельности и программные задачи епархиальные издания Западной Сибири и Степного края репрезентировали в стартовых номерах журналов в публикациях, инициированных редакционными коллегиями.

Примечательно, что региональные епархиальные журналисты в постулировании программы деятельности изданий отталкивались от тех положений, которые уже были сформулированы для церковной печати в европейской части страны, представляя собой некий универсальный шаблон, предлагаемый редколлегиям и корреспондентам епархиальных периодических изданий как общее руководство к действиям. Помимо традиционных для такого рода периодики разделов, предназначенных для публикации Высочайших распоряжений и указаний епархиального начальства, известий о должностных ротациях, извлечений из годовых отчетов, включаемых в официальную и неофициальную части ведомостей, общая программа изданий предполагала сбор и распространение сведений, касавшихся текущих обстоятельств функционирования епархиальных служб, их взаимодействия с различными категориями населения, диалога с паствой, а также описанию епархий в историческом отношении².

Епархиальные журналисты «Тобольских губернских ведомостей», комментируя факт выхода в свет первого номера издания, выделили ряд положений, которые во многом объясняют модель описания азиатской периферии России как собственных, исконно принадлежащих империи территорий, требующих действий инкорпорационного характера.

¹ От редакции // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 1. С. 6.

² Рункевич С.Г. Епархиальные ведомости. URL: <https://http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/pravoslavnaia-bogoslovskaja-jenciklopedija/tom-5/eparxial'nye-vedomosti.html> (дата обращения: 18.07.2023).

В редакторской статье в качестве основного направления публикационной активности издания выделено религиозно-нравственное и проповедническое поле деятельности духовенства, с акцентом на описание миссионерских практик, что очевидно соотносилось с общеимперскими колонизационными целями приращения территорий и людей на окраинах Российской империи³.

В публикуемой программе настойчиво проводилась мысль о расширении круга корреспондентов и включении в него не только региональных церковных деятелей, но и интенсивной коммуникации со светскими литераторами, историками, публицистами, предполагая, таким образом, налаживание тесного сотрудничества между различными сегментами социума и локальных сообществ Азиатской России⁴.

Редакция «Томских епархиальных ведомостей», основываясь на положениях программы, разработанной в 1877 г. протоиереем А. Мисюрёвым и скорректированной в 1904 г. Иоанном Панормовым, видела свою основную задачу в постоянном сборе сведений о состоянии образования и здравоохранения в епархии, объединении общественно-просветительских усилий представителей церкви и тесной связи со Святейшим Синодом. По мнению редакторов, рост влияния епархиальной периодики мог быть обеспечен только в результате регулярного взаимодействия читателей и корреспондентов издания, что в значительной мере требовало административного и социокультурного утверждения России в отдаленном крае. Озабоченность результатами журналистской работы косвенно проявлялась в алармических настроениях редакторов: «Нам хотелось бы, чтобы “Томские епархиальные ведомости” оказались своего рода сторожевой башней, с которой видно было бы во все стороны епархии, какая и откуда святой Церкви грозит опасность и где, и какую нужно подать помощь словом и советом...»⁵.

В преамбуле к первому номеру «Омских епархиальных ведомостей» главным редактором издания Климентом Скальским в базовые положения программы журнала включена идея о покорении «громадной пустыни, вошедшей в состав Омско-Семипалатинской епархии» совместными усилиями самодержавной власти и Русской православной церкви⁶. Для Скальского территории Степного края, вошедшие в ареал аграрной колонизации в 1880–1890-е гг., однозначно определяются в качестве «своих», где «прежнее отверженное и почти забытое стадо Христово,

³ От редакции // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 1. С. 9–12.

⁴ Там же. С. 13–14.

⁵ От редактора // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 1. С. 12.

⁶ Скальский К. Господи, благослови! // Омские епархиальные ведомости. 1898. № 1. С. 1–2.

затерянное в массе туземцев-магометан освежается как пришельцами, так и новокрещенцами; церкви Божии растут, множатся и благоухают среди векового невежества»⁷. С точки зрения редактора, христианизация инородцев, предпринимаемая церковью, и аграрные переселения, инициированные государством, приведут к тому, что «страна, до сих пор мрачная, страна изгнания, слез и вздохов, начнет преобразаться, просветляться и отирать свои слезы, захочет быть не меньшею в прочих владениях нашего великого Государя»⁸.

С момента основания изданий дискурс Азиатской России как «собственного востока» неизменно присутствовал на страницах журнала и отражался в многочисленных публикациях второй половины XIX – начала XX вв., актуализируясь и приобретая дополнительные смыслы и содержание в юбилейные годы (1882, 1887), а также в связи с участием Российской империи в военных кампаниях (русско-японская война 1904–1905 гг.).

В юбилейных публикациях, посвященных 300-летию присоединения Сибири к России, мотив «собственного востока» неразрывными нитями связан с продвижением «истинного света богопознания среди язычников»⁹. В центре статей, посвященных обстоятельствам героического акта покорения Сибири, подспудно присутствует мысль не столько о военном завоевании, сколько о возвращении заблуждавшихся в лоно христианской веры. При этом атаман Ермак и его войско выполняли прежде всего миссионерскую функцию, соответствующим образом атрибутированную: «Покоритель Сибири Ермак Тимофеевич, в 1580 и 1581 гг., во время похода в страну идолопоклонства и исламизма, имел подвижную часовню с иконами и священнослужителей, которые отправляли церковную службу; вскоре за Ермаком отважные казаки и стрельцы шли для дальнейшего покорения Сибири и, подражая примеру Ермака, имели также иконы и священников»¹⁰.

Симптоматично, что представления о Сибири как о «собственном востоке России» в дискурсе корреспондентов епархиальных ведомостей органично соотносились с пониманием восточной периферии как «другой России», являющейся ее неотъемлемой частью, но организованной иначе. Так, например, для публикаций юбилейного цикла было характерно признание уголовной и политической ссылки как эффективного способа утверждения русского населения в Сибири и важного условия

⁷ Скальский К. Господи, благослови! // Омские епархиальные ведомости. 1898. № 1. С. 2.

⁸ Там же.

⁹ 300-летие Сибири // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 23–24. С. 467.

¹⁰ Из истории распространения христианства в Сибири // Там же. № 1. С. 18.

распространения гражданственности. По мнению одного из авторов статьи, посвященной 300-летию покорения Сибири, «из ссыльных очень многие живут далеко лучше, чем оставленные ими на родине земляки... Эти последние, слыша о таком благополучии своих, ранее “несчастливых” братьев, нередко добровольно сами снимались с места и шли в Сибирь, заселяя ее»¹¹.

Характеризуя религиозность сибиряков, епархиальные журналисты также подчеркивали ее особый характер, акцентируя внимание на том, что неукорененность в православии, готовность к уклонению в раскол или уходу в сектантство вовсе не свидетельствовали о секуляризации сознания жителей края. Напротив, обращение к вариациям христианства формировало благоприятную среду для адаптации к сложным природным и социокультурным обстоятельствам жизни на окраинах, позволяло стойко переносить тяготы и невзгоды, с которыми сибирякам приходилось сталкиваться. В этих свойствах населения Сибири корреспонденты епархиальных изданий видели перспективу «обновления» и потенциал далекой окраины, постепенно вмещающейся в государственный организм: «Сибирь не есть безусловное место отвержения, место обитания одних выбросков общества, население этой страны хранит много в себе сил интеллектуальных, как немало в ней отыщется сил нравственных...»¹². Согласно рассуждениям журналистов, окончательное превращение азиатской периферии в Россию, приобретение ею статуса «собственного Востока» осуществится тогда, когда при сохранении своей «особости» Сибирь будет помнить Бога и «своего Самодержца, готовящего им блага...»¹³.

Заметный вклад в конструирование и трансляцию образа Сибири как «собственного востока России» был внесен епархиальными периодическими изданиями в годы юбилеев крупных сибирских городов – Тобольска (1887) и Томска (1904). Показательно, что дискурс городских сибирских юбилеев не являлся автономным, замкнутым на местной городской тематике, органично вплетаясь в общесибирский колонизационный контекст. Редактор «Томских епархиальных ведомостей» в комментарии к юбилейной заметке о покорении и колонизации Сибири объяснял значимость ретроспективной оценки городской истории, неразрывно связанной с ходом и логикой присоединения Сибири к России, заметив, что «в виду исполнившегося 300-летия Томска полезно вспомнить о первых годах гражданской жизни всей Сибири»¹⁴.

¹¹ 300-летие Сибири // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 23–24. С. 471.

¹² Там же. С. 474.

¹³ Там же. С. 475.

¹⁴ Покорение Сибири и ее колонизация // Там же. 1904. № 24. Приложение. С. 2.

Для региональных епархиальных журналистов был в целом характерен подход, в соответствии с которым азиатская периферия «приобреталась» и становилась своей в процессе градостроительства как акта утверждения гражданственности при деятельной поддержке военной и церковной организаций. Если Ермак и его соратники смогли продемонстрировать возможности завоевания пограничных земель силой оружия, то истинное обретение Сибири и дальнейшее огосударствление ее пространств стало возможным только «благодаря заступничеству и благотворительности церкви»¹⁵.

В юбилейных словах и речах исторические экскурсы выполняли связующую функцию, направленную как на встраивание локальной истории города в общий колонизационный контекст, так и провозглашение решающей роли сибирских городов в реализации культуртрегерской миссии: «Имея ближайшее значение для самого города Тобольска, наше торжество должно быть общим торжеством всей Сибири, насколько с ней исторически связано имя сего города»¹⁶. При этом неизменно подчеркивалось «великое дело... совершенное Тобольском для цивилизаторства России на северо-востоке Азии, для перерождения и перевоспитания сего края... из дикого состояния на степень области, родной по духу и учреждениям России»¹⁷.

Речь учителя Тобольской духовной семинарии И. Беляева, произнесенная в день торжества города и опубликованная в епархиальных ведомостях, начиналась с обширной преамбулы, призванной объяснить легитимность результатов похода в Сибирь как частного предприятия Ермака, признанных московским государем Иваном Грозным¹⁸. По логике автора, функции, предпосланные первым сибирским городам, ясно демонстрировали собственнический подход к организации их политического, торгового-экономического и культурного пространства. Беляев утверждал, что последовавшие за военными мероприятиями возведение острогов и крепостей, привлечение гражданского населения и церковное строительство делегировали Тобольску особые полномочия: являться административно-управленческим центром региона, выполнять посреднические торговые функции с Россией, всей Сибирью и государственными образованиями

¹⁵ Тобольские архипастыри // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 9–10. С. 177–190; Покорение Сибири и ея колонизация // Там же. 1904. № 24. С. 1–4.

¹⁶ Слово в день 300-летия г. Тобольска // Там же. № 11–12. С. 208.

¹⁷ Там же. С. 210.

¹⁸ Беляев И. Речь, читанная в празднество 300-летия г. Тобольска // Томские епархиальные ведомости. 1887. № 11–12. С. 212–215.

Центральной Азии, а также выступать исходным пунктом православного миссионерства¹⁹.

В юбилейных публикациях епархиальной печати дискурс азиатских территорий как «собственных», законно принадлежавших России, отражен в описаниях реакции коренного населения, практически повсеместно демонстрировавшего подчиненность новой власти, что в значительной степени обезопасило начальный процесс градостроительства. В описаниях корреспондентами похода Ермака и последующих, инициированных московским государством экспедиций, сопротивление туземных племен носит эпизодический и плохо организованный характер. Авторами проводится четкая демаркационная линия, разделяющая военную конфронтацию с Кучумом как с законным правителем и представителем династического клана Чингизидов, и незначительными автохтонными сообществами, ставшими временными союзниками хана. При этом успешное противостояние хану Кучуму и победа над ним преподносятся в текстах, опубликованных в епархиальной периодике, как проявление русского могущества, которому мелкие туземные племена сопротивляться не в силах, поэтому обещают платить ясак московскому государю, признавая себя покоренными²⁰.

Очередной виток эскалации дискурса азиатской периферии как «собственного востока» пришелся на 1904 г. и был инициирован началом русско-японской войны. За вычетом характерных для презентации военных событий регулярных сообщений о патриотическом подъеме в народной среде, щедрыми мазками разбросанных по страницам епархиальной прессы и принимавших откровенно истеричные формы в начальный период ведения военных действий на Дальнем Востоке, а также информационных сведений о положении на фронтах в разделе «Разные известия»²¹, корреспонденты издания в конечном итоге вышли на уровень аналитических размышлений, в границах которых военные события обсуждались не только в дипломатическом и политическом общероссийском аспекте, но и в связи с перспективой развития ситуации для Азиатской России.

Примечательно, что военная кампания 1904–1905 гг. в освещении епархиальных ведомостей Западной Сибири и Степного края длительный период являлась второстепенным публицистическим сюжетом,

¹⁹ Беляев И. Речь, читанная в празднество 300-летия г. Тобольска // Томские епархиальные ведомости. 1887. № 11–12. С. 222–223.

²⁰ Покорение Сибири и ея колонизация // Там же. 1904. № 24. Приложение. С. 2–3; Беляев И. Речь, читанная в празднество 300-летия г. Тобольска // Там же. 1887. № 11–12. С. 214.

²¹ См.: Томские епархиальные ведомости. 1904. № 3–4, 7, 8, 15, 19; Тобольские епархиальные ведомости. 1904. № 11, 19, 22; Омские епархиальные ведомости. 1904. № 6–12.

уступая позиции традиционным для издания темам религиозно-просветительской деятельности церкви, миссионерской работе, ротациям в составе регионального клира, противоборства язычеству, расколу и сектантству. На страницах «Томских епархиальных ведомостей» попытки осмысления причин, хода, перспектив и значения войны для восточных окраин империи предпринимались только с 9–10 номеров издания, вышедших в диапазоне 1–22 мая; вразумительные публикации об обстоятельствах начала войны и ситуации на фронтах в «Тобольских епархиальных ведомостях» появились в номере от 16 сентября; «Омские епархиальные ведомости» откликнулись на военные события размещением «Слов» пастырей к новобранцам только в середине июня – начале июля 1904 г.

Выскажем предположение, что «поворот» в реакции епархиальных корреспондентов на события русско-японской войны был связан с первыми значительными поражениями русского флота (гибель адмирала С.О. Макарова) и ростом антивоенных и пацифистских настроений в российском обществе²², что стимулировало публикационную активность журналистов епархиальных ведомостей и позволило им сформулировать несколько сюжетных линий, репрезентирующих вовлеченность российского востока в решение геополитических задач империи²³.

Во-первых, в журналистской риторике отчетливо прослеживалась идея, сообразно с которой начавшаяся русско-японская война – это «война за Сибирь»²⁴, являвшейся одновременно самой Россией. Представление о Сибири как отдаленной окраине в дискурсе епархиальных изданий 1904 г. переформулировалось авторами с опорой на реплики крупных государственных деятелей. Так, епархиальный корреспондент А. Луговой, рассуждая о целях текущей войны, привел известное высказывание Александра I: «Когда будут истощены все усилия, я отрощу себе бороду, и лучше соглашусь скитаться в пустынях Сибири, нежели подписать постыдные условия»²⁵. Луговой комментировал: «Чтоб сказать эти слова, надо было иметь в тылу Сибирь, и надо было уметь чувствовать все величие этой государыни-пустыни»²⁶. По мнению журналиста, Сибирь – это окно к океану, которое должно быть постоянно открыто. Он резюмировал: «В этом наши крупнейшие и нравственные, и материальные интересы на Дальнем Востоке. Если признать, что у России XX столетия таких интересов на Дальнем Востоке нет, так

²² Луговой А. За что эта война? // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 31.

²³ Проясняющееся самосознание // Там же. С. 24–26.

²⁴ Луговой А. За что эта война? // Там же. С. 32.

²⁵ Там же.

²⁶ Луговой А. За что эта война? // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 33.

можно сказать, что мы не достойны иметь их и на Востоке Ближнем»²⁷. Квинтэссенцией маркировки Сибири как «собственного востока России», можно рассматривать вывод корреспондента: «Нынешняя война – не просто война за наш престиж великой державы, или ради предотвращения надвигающейся на Европу желтой опасности, а борьба за самые существенные, жизненные интересы целокупного Государства Российского»²⁸.

Во-вторых, знаковые функции в дискурсе епархиальных изданий в годы русско-японской войны адресовались Сибирской железной дороге, неожиданно ставшей предметом ожесточенных дискуссий и конкурирующих позиций, как в европейском, так и в мировом масштабе. Общественное «отрезвление», наступившее вследствие первых военных поражений 1904 г., стимулировало активное обсуждение вопроса о Транссибирской магистрали как инструменте содействия проникновению внешних врагов и распространения «желтой опасности», что вызвало ответную реакцию в стане политиков и приняло формат дискуссии на страницах периодической печати. Епархиальные ведомости довольно живо включились в текущий дискурс Сибирской железной дороги, старательно направляя его в нужное «охранительное» русло. «Томские епархиальные ведомости» в середине мая 1904 г. опубликовали фрагмент интервью статс-секретаря С.Ю. Витте, данного амстердамской прессе, в котором было сказано буквально следующее: «Мне ставят в упрек, что я проложил рельсовый путь к Тихому океану и этим, будто бы, вызвал войну. Это упрек нелепый. Я желал проложить железную дорогу только до Владивостока. Я хотел открыть Китай для голландской, германской, английской и американской торговли. Впереди – торговля и промышленность, на заднем плане – солдаты. Таков мой девиз. Но этой войной будущность России обеспечена, источники мощи страны совершенно неисчерпаемы. Как только упрочится мир, Россия начнет развиваться с невиданной быстротой...»²⁹.

В епархиальных публикациях, в которых так или иначе обсуждалось значение сибирского пути, негативные коннотации железнодорожного строительства на востоке империи отодвигались на задний план, уступая место колониционному его аспекту, возможностям обретения и укрепления России на «собственном Востоке». Вот лишь два показательных фрагмента, иллюстрирующие накал собственнического дискурса Азиатской России: «При современном направлении политики всех великих

²⁷ Луговой А. За что эта война? // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 33.

²⁸ Там же.

²⁹ Интервью С.Ю. Витте // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 38.

держав и при начавшемся пробуждении азиатских народов, мы должны ясно сознавать, что укрепление нашего положения на берегах Тихого океана теперь даже важнее, чем гадательное превращение Черного моря в русское озеро»³⁰; «Непогода пройдет, буря утихнет. Залечатся нравственные и материальные раны, нанесенные России ее врагами, явными и тайными. Твердость и мужество великого русского народа, не поддающиеся никаким испытаниям, выкуют твердый мир от берегов Тихого океана до Балтийского моря»³¹.

В дискурсе азиатской периферии как «собственного востока России», представленного в епархиальной печати, отчетливо был выражен мотив прозелитизма Русской православной церкви. Массовое переселенческое движение, расширение колонизационного ареала и включение в него во второй половине XIX – начале XX вв. языческих и нехристианских этнолокальных сообществ ставили институт церкви на восточных окраинах в привилегированное положение относительно самостоятельного актора колонизационного дела. В данном отношении начавшаяся война стала для региональных церковных деятелей благодатной почвой распространения религиозно-проповеднических практик, христианской пропаганды, вписывавшейся в логику представлений о восточных окраинах империи как своих землях.

Так, корреспонденты «Омских епархиальных ведомостей», отмечая интерес в обществе Степного края к войне на Дальнем Востоке, сообщали о массовом (3146 чел.) посещении чтений, посвященных военной тематике³². Тобольские журналисты в статье «Война – грозный нам урок» презентовали войну как «попрание Христовых истин», требуя «немедленного покаяния всех сословий, смирения и благоговения к заповедям Божьим»³³, высказывая тем самым мессианскую роль церкви в новой исторической ситуации. С похожей претенциозностью о войне как Божьем испытании писали сотрудники «Томских епархиальных ведомостей», подчеркивая вполне имперским слогом идею жертвенности, столь характерную для владельческой риторики: «Но родина-мать умеет приносить жертвы своими сынами и своим достоянием. Она стоит твердая и мужественная, готовая постоять до конца за русскую честь»³⁴.

³⁰ Великая радость // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 17. С. 2.

³¹ Там же. С. 3.

³² Священник Г-в Б. Корреспонденция // Омские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 41.

³³ Кронштадский И. Война – грозный нам урок // Тобольские епархиальные ведомости. 1904. № 18. С. 355–356.

³⁴ Очевидец. Проясняющееся самосознание // Томские епархиальные ведомости. 1910. № 4. С. 24.

Одним из каналов непосредственной манифестации епархиальной периодической представлений об обоснованности владельческих притязаний империи становились в этот период речи, обращенные к новобранцам, отправлявшимся на фронты русско-японской войны. В «Слове», сказанном офицерам Семипалатинского пехотного полка перед уходом на Дальний Восток священником Б. Г-вым, отсутствовала характерная для речей подобного рода ура-патриотическая риторика. В структуре выступления священника просто и доходчиво конструировался образ долгой дороги от исходного пункта – родного города – до «когда-то малоизвестного Дальнего Востока, который сделался теперь дорогим и близким (т.е. своим. – М. Ч.)»³⁵. По утверждению автора речи, «там, далеко на Востоке (своем. – М. Ч.), Русь Святая встретила с языческой тьмой»³⁶. Таким образом, в «Слове», отголоски которого слышны и в напутствиях тобольских и томских священнослужителей, акцентировалось внимание на необходимости повторного приобретения «собственного востока», что возможно только «с верой в Бога, любовью к Батюшке-государю и территориальной целостностью»³⁷, «когда враг увидит, что на тех полях, где протекают воды Днепра и Волги, Оби и Иртыша, Амура, Енисея и других водных источников и родников... живет народ не побежденный, смиривший множество врагов...»³⁸.

В порядке общего заключения отметим, что дискурс азиатской периферии как «собственного востока России» разворачивался в региональной епархиальной периодике в контексте общеевропейских ориенталистских представлений о восточных пространствах как территориях, нуждавшихся в окультуривании со стороны «цивилизованных» государств [12]. Однако в российских обстоятельствах внутренней колонизации конструированию образа Востока сопутствовали особый социально-политический фон и исторические обоснования.

Отсутствие внешних преград (моря и океаны), неопределенность и пористость границ в сочетании с многолетними практиками военных, торгово-промысловых, миссионерских проникновений в зоны восточного фронта, а также контактов с коренным населением, являлись основанием для реализации вотчинной модели государственного

³⁵ Г-в Б. Слово, сказанное офицерам Семипалатинского пехотного полка перед отправлением на Дальний Восток // Омские епархиальные ведомости. 1904. № 12–13. С. 12.

³⁶ Там же.

³⁷ Филиппов С. Речь новобранцам при приводе их к присяге // Тобольские епархиальные ведомости. 1904. № 20. С. 404.

³⁸ Г-в Б. Слово, сказанное офицерам Семипалатинского пехотного полка перед отправлением на Дальний Восток // Омские епархиальные ведомости. 1904. № 12–13. С. 13.

и общественного устройства сначала Московского царства, а в исследуемый период – Российской империи.

В процессе этих коммуникаций формировались и обретали отчетливые черты рецепции восточных окраин как собственных территорий, обладание которыми легитимировало власть самодержца и торжество православия в языческой и нехристианской средах. В этой связи вовлечение церкви силами епархиальной журналистики в дискурс «собственного востока России» обеспечивало консервативному сегменту российского общественного движения и власти определенный перевес в полемике по вопросу об описании идентификации окраинных земель не как объекта колонизации по мировым лекалам, а как исконно русских территорий, нуждавшихся в обустройстве и инкорпорации в общеимперское пространство.

В ситуации интенсивного продвижения русской оседлости вглубь т.н. «собственного востока» во второй половине XIX – начале XX вв. аграрное и промышленное освоение Западной Сибири и Степного края ставило Русскую православную церковь в привилегированные позиции агента влияния. Если основной сферой деятельности светской власти являлась область материального – ответственность за обустройство населения и организацию административно-политического пространства, то функциональные обязанности института церкви реализовывались в направлении культурной адаптации россиян к сложноустроенной и мозаичной в этническом и конфессиональном отношении региональной среде.

В обеспечении комфортности и безопасности существования общества азиатской периферии, церковь, в отличие от государства, обладала большими возможностями прямого контакта с паствой как значительной частью социума, в отношении которой осуществлялась активная религиозно-просветительская и миссионерская работа. При этом важным составляющим сегментом данной деятельности являлось формирование в различных слоях социума представлений о Западной Сибири и Степном крае (территориях, входивших в ареал аграрно-промышленного освоения) как собственных, исторически принадлежавших России землях, что проявлялось в дискурсивных практиках репрезентации азиатской периферии как «собственного востока» на страницах региональной епархиальной прессы, обретавших мощное идеологическое напряжение в юбилейные годы или в периоды роста военной активности империи в окраинных землях государства.

Библиографический список / References

1. Валитов А.А. Тобольские епархиальные ведомости как источник по истории Западной Сибири // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. № 2 (4). С. 407–416. [Valitov A.A. Tobolsk Diocesan Gazette as a source on the history of Western Siberia. *Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii*. 2015. No. 2 (4). Pp. 407–416. (In Rus.)]
2. Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России (задачи и теоретико-методологические принципы изучения). М., 1981. [Esin B.I. *Russkaya gazeta i gazetnoe delo v Rossii (zadachi i teoretiko-metodologicheskie principy izucheniya)* [Russian newspaper and newspaper business in Russia (tasks and theoretical and methodological principles of study. Moscow, 1981.)]
3. Жияякова Н.В. История дореволюционной журналистики в Сибири: этапы исследования, новые направления // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2011. № 3 (15). С. 119–132. [Zhilyakova N.V. The history of pre-revolutionary journalism in Siberia: Stages of research, new directions. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Seriya: Filologiya*. 2011. No. 3 (15). Pp. 119–132. (In Rus.)]
4. Землякова Н.А. Церковь и общество на страницах «Томских епархиальных ведомостей» во второй половине XIX – начале XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 391–397. [Zemlyakova N.A. Church and Society on the Pages of “Tomsk Diocesan Gazette” in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Sovremennyye problem nauki i obrazovaniya*. 2012. No. 5. Pp. 391–397. (In Rus.)]
5. Иванов К.Ю. Томские епархиальные ведомости как источник по истории томского старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1997. С. 136–138. [Ivanov K.Yu. Tomsk Diocesan Gazette as a source on the history of the Tomsk Old Believers. *Staroobryadchestvo: istoriya, kultura, sovremennost*. Moscow, 1997. Pp. 136–138. (In Rus.)]
6. Карнишина Н.Г. Дискуссия в печати второй половины XIX в. о месте и роли русской православной церкви в общественной жизни пореформенной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (55). С. 15–21. [Karnishina N.G. Discussion in the press of the second half of the 19th century about the place and role of the Russian Orthodox Church in the public life of post-reform Russia. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 2020. No. 3 (55). Pp. 15–21. (In Rus.)]
7. Лапшина Г.С. Русская пореформенная печать 70–80-х годов XIX века. М., 1985. [Lapshina G.S. *Russkaya poreformennaya pechat 70–80-h godov XIX veka* [Russian post-reform press of the 70–80s of the XIX century. Moscow, 1985.]
8. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004. [Makhonina S.Ya. *Istoriya russkoj zhurnalistiki nachala XX veka* [History of Russian journalism at the beginning of the 20th century]. Moscow, 2004.]
9. Морозова Н.Н. Освещение политических вопросов в «Тобольских епархиальных ведомостях» (1882–1905 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 35–38. [Morozova N.N. Coverage of political issues in the “Tobolsk Diocesan Gazette” (1882–1905). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2012. No. 3. Pp. 35–38. (In Rus.)]

10. Нетужилов К.Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX веков: историко-типологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. [Netuzhilov K.E. Formirovanie sistemy cerkovnoj periodicheskoj pečati v Rossii XIX – nachala XX vekov: istoriko-tipologičeskij analiz [Formation of the system of church periodicals in Russia in the 19th – early 20th centuries: Historical and typological analysis]. PhD theses. St. Petersburg, 2010.]
11. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. [Rodigina N.N. «Drugaya Rossiya»: obraz Sibiri v russoj zhurnalnoj presse vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [“The Other Russia”: The image of Siberia in the Russian magazine press in the second half of the 19th – early 20th centuries. Novosibirsk, 2006.]
12. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. [Said E. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. St. Petersburg, 2006.]
13. Тольц В. «Собственный восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднимперский период. М., 2013. [Tolc V. «Sobstvennyj vostok Rossii»: politika identičnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij period [“Russia’s Own East”: Identity politics and oriental studies in the Late Imperial period]. Moscow, 2013.]
14. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург, 2002. [White H. Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka [Metahistory]. Ekaterinburg, 2002.]
15. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. [Fuko M. Arheologiya znaniya [Archeology of knowledge]. Kiev, 1996.]
16. Чернова И.С. Становление и функционирование профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2021. [Chernova I.S. Stanovlenie i funkcionirovanie professionalnogo soobshchestva sibirskih zhurnalistov vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Formation and functioning of the professional community of Siberian journalists in the second half of the 19th – early 20th centuries]. PhD dis. Novosibirsk, 2021.]
17. Чуркин М.К. Дискурс имперской инкорпорации Западной Сибири в программных публикациях церковно-приходской печати начала 80-х гг. XIX в. (на материалах «Тобольских епархиальных ведомостей») // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 39. С. 13–19. [Churkin M.K. The discourse of the imperial incorporation of Western Siberia in the programmatic publications of the parish press in the early 1880’s nineteenth century (based on the materials of “Tobolsk Diocesan Gazette”). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. 2022. Vol. 39. Pp. 13–19. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 21.07.2023, принята к публикации 01.09.2023
The article was received on 21.07.2023, accepted for publication 01.09.2023

Сведения об авторе / About the author

Чуркин Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры отечественной истории факультета истории, философии и права, Омский государственный педагогический университет; ведущий научный сотрудник лаборатории истории Сибири, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, г. Тобольск, Тюменская обл.

Mikhail K. Churkin – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of Russian History of the Faculty of History, Philosophy and Law, Omsk State Pedagogical University, Omsk; Leading researcher at the Laboratory of the History of Siberia, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

E-mail: proffchurkin@yandex.ru